

ИНТЕРВЬЮ

«...Вы думаете, эти люди — начальники? — связал он по адресу боссов тогдашнего Госкино, в коридорах которого я мыкался, пока «цензурировали» один из моих фильмов. — Не видели вы настоящих начальников. А я видел. Я видел Хозяина... Я-то у Сталина был кинемехаником».

Я был потрясен этими словами. Мы стали часто встречаться с этим человеком. Я буквально «заболел» идеей сделать фильм о нем. То, что он мне рассказывал, не давало покоя. Его судьба, Сталин, Россия, ужасы нашей жизни и очень редко выпадающее счастье... Я прокручивал в голове темы картины. Но понимал, что мне никто не даст здесь сделать фильм с «этими» темами. Был шестьдесят второй или шестьдесят третий год...

И вот прошло тридцать лет. В них было все: удачи, поражения, мой отъезд, рождение детей, женитьбы и разводы, расставания, встречи, душераздирающие письма родителей, тоска по родине, счастье и несчастья.

В меня верили — и в меня не верили... Сто раз я сам падал духом. Пока, наконец, не нашелся человек по имени Менахем Голан, для американско-еврейского уха которого моя славянская фамилия звучала менее странно, чем для всех остальных... Он дал мне денег на первую постановку.

Но я по-прежнему помнил о Ганшине, человеке из «ближнего круга» Сталина, и мне все так же хотелось сделать фильм о нем и его Хозяине. И как только мое желание стало обретать черты реальности, я рванул в Россию...»

Андрей Кончаловский никогда не был диссидентом. Он утверждает, что не мог бы бороться с режимом, поскольку был «слишком нормален». Тем не менее пятнадцать лет назад он уехал из России. Ему казалось, что навсегда. В Америке, Франции, Англии и Италии режиссер снял пять картин с суперзвездами Голливуда. Поставил в «Ла Скала» «Пиковую даму» с Миреллой Френи и Сейджи Озавой, а на сцене парижского «Одеона» — «Чайку» с французскими знаменитостями.

— «Ближний круг» подводит итог вашей судьбе?

— Да. Я бы не снял этот фильм, если бы прожил всю жизнь в России. Раньше я даже не пытался ее понять, в своих «русских» картинах о русской ментальности не думал. Наверное, потому, что был внутри, а за деревьями леса, как говорится, не видно. Нужно было выбраться «из леса».

— Что же вы поняли о русских, выйдя из леса?

— Что никогда не будем Западом. Страхи, что мы перестанем быть Россией, беспочвенны.

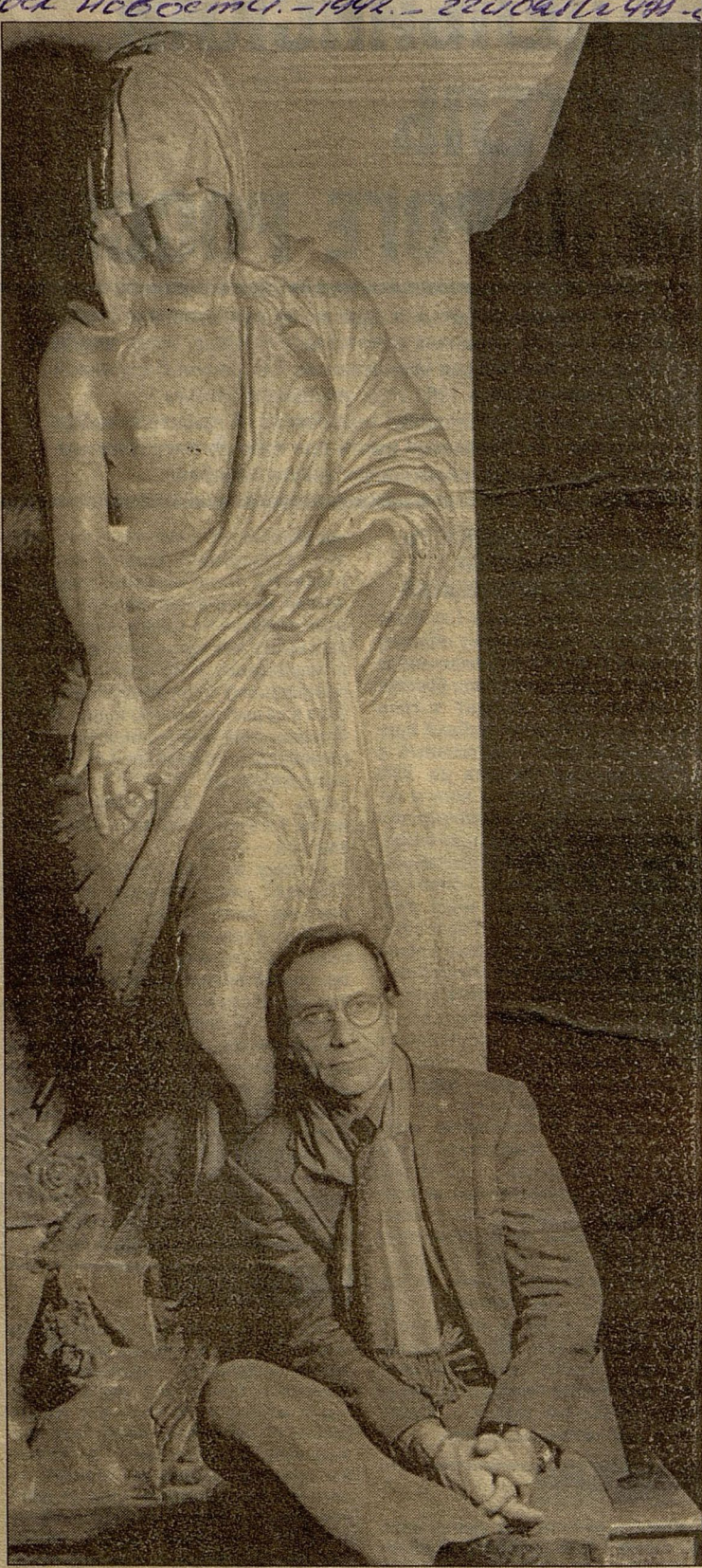
Мне импонирует в этом смысле позиция Владимира Максимова. Ему кажется, что народу нужно дать возможность быть самим собой, каким уродился: косолапым, кривоглазым, нематым, нечесаным. И как только ему дадут эту возможность, он сразу станет другим, начнет следить за собой, мыться, причесываться...

— Точка зрения Станислава Говорухина, что настоящую Россию мы потеряли, вас не устраивает?

— Ну... мне нравится, как он провоцирует, как отчаянно засаживает кирпичами в окна.

Но достаточно почитать Салтыкова-Щедрина, Бунина, Герцена, Куприна, Чехова, чтобы понять: жизнь в той России была жуткая. Деление на «чистых» и «нечистых». Масса несправедливости. Чудовищная бюрократия.

Та жизнь не была ни идеальной, ни благолепной; ее привлекательность заключалась в другом — она была нормальной. Пороки, о которых писали литераторы того времени, были как бы дрожжи, без них не может быть хорошего теста, той же литературы, кстати. Красота не существует без уродства, стремле-

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ : О ПОЛЬЗЕ КОМПРОМИССА

ние к равенству сильнее там, где есть неравенство, равно как свобода немислима без несвободы, а братство — без антагонизма.

Великая иллюзия XX века — построение царства Божьего на земле — началась не с октябрьского переворота, а с XVIII века, с французской революции, с провозглашения свободы, равенства и братства. Однако равенства вообще не существует. Ведь семена все равны. Но ветер разнес их — одно на холм, другое в ложину. И растут две березки: одна — наверху, тянется к солнцу, другая — в низине.

— Но люди, в отличие от березок, не довольствуются тем, куда их занесет ветер: за место под солнцем идет подчас кровавая борьба.

— Увы, вместо объявленного братства мы наблюдаем межплеменную вражду. Мне кажется, что и XXI век начнется — если начнется — с выяснения расовых и этнических проблем. Нынешние национальные конфликты, как я думаю, обусловлены еще и огромной разницей культур. И абсолютным, фатальным неумением находить компромиссы. «Имперскость» России ни в чем другом так ярко не проявилась, как в заблуждении, что компромисс всегда связан с безнрав-

ственностью. А на самом деле в компромиссе великое миротворческое начало.

— Вы надеетесь, мы достигнем правоту компромисса?

— Известен диспут между Лейбницем и Ньютоном. Лейбниц считал, что Бог создал Вселенную, как часовой механизм, а поскольку Бог — идеальный часовщик, то часы заведены раз и навсегда. Ньютон ему отвечал, что Бог действительно идеальный часовщик, но он еще и Создатель. А стало быть, все время улучшает этот механизм: вмешивается в него через поступки людей, через случай, через то, что называется Провидением...

Я надеюсь на Провидение, на случай, на разум.

— Вам не хотелось бы снять об этом фильм?

— Может быть. Не сейчас. Сейчас я чувствую границы своих возможностей как режиссера, и мне нужно сделать усилие, чтобы их расширить. С другой стороны, чем уже замочная скважина, в которую разглядываешь мир, тем больше можешь вместить в этот ракурс.